



Шелехов Константин

Князь Александр Невский

Шелехов Константин Князь Александр Невский

<https://litres.ru/74265357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о том как молодой с небольшой бородой и усами и огромным мечом и доспехами. Князь стоял на распутии дорог между Западом и Востоком.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Шелехов Константин Князь Александр Невский

Глава 1

Глава первая. Кровь на перекрестке

Родился Княжич в час, когда мир качался на грани. С запада, выжигая землю каленым железом, наступали тевтонские псы — жгли храмы и рубили людей, не щадя ни старого, ни малого. С востока ползла, как саранча, несметная Орда, и стонала Русь под тяжестью татарской басмы. Смутное было время, лихое.

В княжьем терему роды затягивались. Молодое тело матери, обессилев, никак не желало выпускать дитя на свет божий, будто само чувало грядущие беды.

— Тужься, матушка! Тужься, родимая! — повитуха Агафья, вся в поту, склонилась над княгиней. — Не время еще в Сваргу улетать, он родами держится! Глотни-ка воздуха!

В рот родильнице вставили обернутую чистой тряпицей палку, чтобы не прикусила язык в муке. Агафья шептала древние заговоры, водя руками над вздувшимся животом, а две помощницы метались с тяжелыми ведрами, окуная опыхала из гусиных перьев в ледяную воду и обмахивая лицо княгини, чтобы той легче дышать было.

— Воды, еще воды! — крикнула одна из девок. — Горит княгиня-матушка!

А за стенами терема, на перекрестке семи дорог, старый ведун Пафнутий уже совершал жертву. Ноги его в простых лаптях утопали в придорожной пыли, ветер трепал седую бороду. Он взял черного петуха, и тот, будто чуя, забился в руках, захрипел, вращая безумным оком.

— Отец Перун! Громовержец! — воззвал Пафнутий, поднимая птицу к небу. — Слышишь ли меня в чертогах своих? Не дай пресечься роду сему! Молю, пусть дитя родится в назначенный час, а родилицу пожалей!

Словно эхо, прогремело вдалеке, и туча на миг закрыла солнце. Одним резким движением ведун перерезал петуху горло. Кровь алым горохом брызнула на серую землю, и в то же мгновение свет померк. Тени с дорог сплелись в одну, густую, как деготь, фигуру. Воздух стал ледяным, запахло болотной тиной и увядшими лилиями.

Тень заговорила, и голос ее был не здесь, а внутри головы Пафнутия, и от него стыла в жилах кровь:

— Оставь Перуна в покое, старый. Там, где льется кровь земли, мой голос сильнее. Родится мальчик. Но не будет он витязем с мечом — он перевернет ваше представление о доблести. Он придет не с железом, а с правдой. И правда та сожжет тевтонцев, но зальет кровью свои же города. Готов ли ты к этому, ведун?

Пафнутий упал ниц, касаясь губами дорожной пыли, сме-

шанной с кровью петуха.

— Благодарю тебя, Матушка Мара, ибо ты сама пришла, не оставила раба своего в беде! — прошептал он, дрожа всем телом. — Воля твоя, и суд твой.

Тень растаяла, как утренний туман, и лишь на перекрестке остался темный след, в который тут же втянулись мухи.

Пока в опочивальне шла битва за новую жизнь, во дворе терема князь Всеволод коротал время в битве потешной. Негоже воеводе сидеть сложа руки, когда внутри стонет жена, — от безделья тоска съест, а на мечях и время летит незаметно, и душу отводишь.

Князь наседа на Спиридона, воеводу с медвежьей спиной и бычьей шеей. Мечи звенели, высекая искры, а под ногами хлюпала утренняя грязь.

— Дюже ты слабоват сегодня, княже! — прорычал Спиридон, с лёгкостью парируя выпад Всеволода, и от его удара у князя дрогнула кисть. — Али мысли не о том? Али сердце не на месте? Говорят, там, внутри, повитуха уже третью свечу жжёт...

— Слабоват?! — Князь взбешённо рубанул, но меч скользнул по чужому клинку. — Ты, Спиридон, дышишь тяжелее, чем медведь, который в тайге лося заламывает! Небось, пироги с капустой на ночь жрёшь? Где твоя хваленая лёгкость?

— Хе! — усмехнулся воевода, отбивая удар лезвием плашмя и толкая князя плечом. — Может, я и впрямь мед-

ведь. Хозяин лесов. А ты, княже, нынче — заяц трусливый. Вон как клинок дрожит в руке, будто сам чует беду.

И в тот миг, когда они вновь сошлись в замке, скрестив мечи над головами, со стороны крыльца раздался звонкий крик:

— Князь-батюшка! Родила-а-а! Господь услышал, княгиня-матушка разродилась! Сыночка! Чёрненький, крикливый!

Мечи застыли в воздухе. И оба — и княжеский, и воевода — вдруг издали едва слышный звон, будто им что-то прошептали. Спиридон перекрестился шире обычного, а князь Всеволод выдохнул так, словно всю осаду держал в груди. Он бросил меч в траву, не глядя, пошёл к большой дубовой бочке, доверху наполненной дождевой водой. Зачерпнул ладонями, окунул голову с маху, и ледяная вода полилась по плечам, смывая пот, грязь и тревогу. Фыркнул, как конь, потом умылся старательно, до красна растёр лицо рукавом. Надел чистую, пахнущую льном и полынью рубаху, поправил пояс с медной пряжкой и, важно выпрямив спину, зашагал к терему.

Каждый шаг он чеканил так, будто шёл на битву. А сам думал одно: «Сын... Наконец-то. Господи, как же долго я ждал его голоса в этом доме...»

У входа он широко перекрестился — раз, другой, на обе иконы, что висели над дверями, — и переступил порог опочивальни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.